

ХИЩНАЯ ПТИЦА ФЕНИКС

СЭМЮЭЛ УИТАКЕР

18+

Сэмюэл Уитакер

Хищная птица Феникс

<https://litres.ru/74397703>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший офицер Михаил Игнатов думал, что похоронил свою службу вместе с распадом СССР. Но в старых документах он находит след системы, которая не исчезла, а научилась менять вывески. Когда расследование выходит на современных политиков, спецслужбы и антикультовые сети, охота начинается уже за ним.

Сэмюэл Уитакер

Хищная птица Феникс

Настоящая книга является художественным произведением. В основу отдельных сюжетных линий положены реальные исторические события, общедоступные документы, публикации средств массовой информации, судебные материалы, научные и журналистские исследования, публичные выступления и иные открытые источники.

Наряду с реальными историческими событиями, организациями и публичными лицами в произведении присутствуют вымышленные персонажи, диалоги, встречи, документы, обстоятельства, мотивы, действия и сюжетные связи, созданные автором исключительно в художественных целях. Некоторые персонажи являются собирательными образами.

Участие реального лица в исторических событиях, упоминаемых в книге, не означает, что это лицо принимало участие в вымышленных сценах, разговорах или событиях произведения. Если иное прямо не подтверждается достоверным источником, частные беседы, внутренние мотивы, мысли, намерения, неофициальные связи и действия реальных лиц являются художественной реконструкцией либо авторским предположением и не должны восприниматься как утверждение об установленном факте.

Приводимые в произведении мнения, оценки, гипотезы и выводы вымышленных персонажей отражают логику художественного повествования и не являются утверждением автора о виновности, противоправной деятельности либо иных юридически установленных обстоятельствах в отношении какого-либо лица или организации.

Все вымышленные персонажи и художественно созданные обстоятельства не предназначены для изображения какого-либо конкретного частного лица. Любое непреднамеренное сходство вымышленных персонажей с лицами, не обозначенными в книге как реальные исторические или публичные фигуры, является случайным.

Пролог

Это здание в Москве не значилось ни в одном путеводителе. Табличка у входа сообщала лишь «Совет по делам религий при Совете Министров СССР», и этого было достаточно, чтобы редкие прохожие ускоряли шаг.

На третьем этаже, в комнате без окон во двор, накрыли стол: два стакана в подстаканниках, начатая пачка «Явы», графин с водой, который никто не трогал. Лейтенант Михаил Игнатов разложил перед собой чистый блокнот и сверил часы с настенными. Без десяти одиннадцать.

Полковник Реутов вошёл первым, стряхивая с плаща капли мартовского дождя.

«Опаздывает поп», сказал он, не обращаясь ни к кому. «Дороги в центре перекрыли, кортеж какой-то гоняют ту-

да-сюда с самого утра».

Дверь открылась в одиннадцать ноль три. Архимандрит Аркадий, в миру Андрей Порохов, тридцати шести лет от роду, настоятель храма в Подмоскowie, вошёл, снял пальто и сел на предложенный стул с прямой спиной, как на приёме у врача.

Реутов не спешил. Спросил про здоровье игумены соседнего монастыря, про ремонт колокольни, про племянника, поступающего в этом году в институт. Каждый вопрос звучал между делом, каждый ответ Реутов слушал внимательно, будто и правда интересовался.

«Вы ведь просили за Дмитрия», сказал он наконец о племяннике. «В МГИМО без нашей помощи ему делать нечего, сами понимаете. Отец служитель культа, происхождение подпорчено. Но помочь можно».

Отец Аркадий молчал.

«В мае вас пригласили в Женеву», продолжил Реутов, листая папку, которую Игнатов не видел раскрытой прежде. «Экуменическая молодёжная встреча. Хорошая поездка. Полезные знакомства с лютеранами, с реформатами. Мы бы хотели, чтобы эта поездка состоялась».

«Она и так должна состояться. Меня пригласил секретариат Всемирного совета церквей».

«Мир велик, отец Аркадий. Приглашения отзывают по самым техническим причинам. Характеристика не готова, виза задерживается, случается».

Игнатов записывал реплики сокращённо, привычными значками, не поднимая головы. Позже, перепечатавая протокол, он оставит именно эту фразу без изменений, потому что в ней не было угрозы, только погода. Погода, которую можно было устроить, а можно было и не устраивать.

Отец Аркадий спросил, чего от него хотят.

Реутов не ответил прямо. Он говорил о том, как трудно сегодня Церкви, как мало у неё друзей за границей, как важно, чтобы о советских верующих за рубежом рассказывали свои голоса, а не чужие, не Би-би-си и не радиостанция в Мюнхене. Он говорил о письмах, которые можно присылать после поездок, простых письмах о встречах и разговорах, безобидных, как открытка тётушке.

Потом он подвинул через стол один лист бумаги. Игнатов видел такие листы десятки раз и знал, что через минуту в верхнем углу впишут псевдоним.

Отец Аркадий читал долго. За окном без окна во двор не было ничего, кроме кирпичной стены, но он смотрел именно туда, будто там что-то происходило.

«А если я откажусь», спросил он.

«Тогда поездки не будет. Ремонт колокольни отложат до лучших времён. Дмитрий пойдёт в педагогический, тоже неплохой институт», сказал Реутов, и в его голосе не было злорадства, только усталая констатация, как у бухгалтера, объясняющего клиенту невыгодные условия кредита.

Подпись легла на бумагу быстро, будто чем быстрее это

произойдёт, тем менее по-настоящему это будет происходить. Реутов забрал лист и вписал сверху слово, которое Игнатов успел прочитать вверх ногами: «Гость».

Когда отец Аркадий вышел, Реутов налил себе воды из графина, который до этого никто не трогал, и сказал, не глядя на своего лейтенанта:

«Запомни, Миша. Мы не вербуем врагов. Мы вербуем тех, кто хочет, чтобы церковь выжила. Она выживет в любом случае. Вопрос только, какой ценой и с кем».

Игнатов кивнул и не записал эту фразу в протокол. Это было первое, что он сознательно опустил в отчёте за три года службы, и в тот момент это показалось ему таким незначительным, что даже не стоило обдумывания.

Вечером он подшил протокол в тонкую картонную папку с грифом «5-е управление КГБ СССР. 4-й отдел», проставил число, двенадцатое марта тысяча девятьсот семьдесят девятого года, и убрал папку в сейф, где она легла между десятками таких же, неотличимых снаружи.

Пройдёт сорок пять лет, и он откроет очень похожую папку снова. Только на этот раз в верхнем углу вместо чужого псевдонима будет стоять имя, которое он услышит совсем скоро и не забудет уже никогда.

Глава 1. Три экрана

Свет от трех мониторов заливал темную гостиную на Виноградах холодным, пульсирующим мерцанием, отбрасывая на стены длинные, ломаные тени. На левом дисплее тол-

па в Дрездене несла самодельные плакаты против мигрантов, освещая брусчатку светом факелов. Лица людей, выхваченные объективом репортерской камеры, были искажены яростью и страхом — страхом потерять свой привычный мир. Правый экран транслировал митинг сторонников Трампа где-то на Среднем Западе: море красных кепок, скандирующие голоса, ритмично сливающиеся в единый гул, и оратор, убеждающий многотысячную толпу в том, что их собственное правительство украло у них страну.

Центральный монитор показывал архивные кадры без звука. Тяжелая бронетехника вязла в весенней грязи у границ Украины. На бортах танков и бронетранспортеров ярко выделялась нанесенная белой краской буква Z.

Михаил Игнатов сидел в глубоком кресле, не прикасаясь к остывшему чаю, и смотрел, как три совершенно разных новостных потока сливаются в одну картину. География, языки и поводы для ненависти отличались, но механика процесса казалась пугающе знакомой. Это был не просто хаос. В открытой на планшете аналитической статье независимого европейского института, которую он читал часом ранее, происходящее описывалось сухим академическим языком: глубокий раскол западных обществ, кризис доверия к демократическим институтам, ослабление государственного управления. Автор текста утверждал, что политика всё больше превращается в борьбу образов вместо соревнования идей и компетентности, называя это современным вариантом «пла-

на Даллеса», развернутым против самого Запада. Иллюзия свободы выбора сохранялась, но люди всё чаще голосовали за тех, чье продвижение обеспечивалось многолетним психологическим воздействием на общественное мнение.

Аналитики видели следствие. Игнатов видел почерк.

Десятилетия назад, в кабинетах на площади Дзержинского, его учили именно этому: не создавать проблемы с нуля, а находить существующие трещины в обществе противника и вбивать в них клинья. Расовые конфликты, религиозные разногласия, социальная несправедливость — всё это было сырьем. Цель состояла не в том, чтобы заставить американцев или европейцев полюбить Советский Союз. Цель заключалась в том, чтобы заставить их перестать доверять друг другу. И теперь, глядя на три экрана, бывший офицер Пятого управления КГБ чувствовал, как прошлое смотрит на него из каждого пикселя. Совпадение ли, что сегодняшние информационные войны до мельчайших деталей повторяют методички исчезнувшего государства, или старому разведчику просто мерещатся угрозы там, где их нет?

Медицинское заключение лежало на столе рядом с пультами управления. Белый лист формата А4, выданный утром в клинике на Карловой площади, казался самой материальной вещью в полутемной комнате.

Доктор Марек имел привычку снимать очки и тщательно протирать их краем белоснежного халата всякий раз, когда предстояло сказать пациенту то, что тот не хотел слы-

шать. Врач говорил тихо, взвешивая каждое слово. Карцинома поджелудочной железы. Опухоль неоперабельная из-за расположения вокруг крупных кровеносных сосудов.

«Мы можем предложить паллиативную химиотерапию, господин Игнатов», — произнес тогда доктор, наконец надев очки и посмотрев прямо на него. «Она поможет контролировать симптомы и, возможно, замедлит рост. Но я должен быть с вами честен. Мы говорим о перспективе лечения без прямых прогнозов по срокам. Статистика в таких случаях — вещь упрямая, но каждый организм индивидуален».

Слова врача не содержали приговора с точной датой, но они ясно очертили горизонт. Времени на долгие раздумья больше не оставалось. Болезнь отменила роскошь откладывать дела на потом.

Игнатов поднялся из кресла. Суставы отозвались привычной тупой болью. Он прошел мимо экранов, оставив их светиться в пустоту гостиной, и направился в спальню. У стены стояло массивное советское трюмо из темного дерева — громоздкий предмет мебели, который он купил в антикварной лавке Праги много лет назад исключительно из-за его конструкции.

Опустившись на колени, он нащупал скрытый фиксатор под нижним ящиком. Механизм поддался с тихим щелчком. Нижняя панель, казавшаяся монолитным дном, сдвинулась в сторону, открывая неглубокую нишу. Внутри, завернутые в плотный полиэтилен, лежали картонные папки.

Архив.

В августе 1991 года, когда толпа сносила памятник Дзержинскому, а во дворах Лубянки жгли документы, Игнатов сделал свой выбор. Увольняясь в 1992 году из одной из структур — преемниц КГБ, он вынес эти бумаги. Процесс занял несколько месяцев: по одному-два листа под рубашкой, тонкие папки на дне портфеля, копии, сделанные в ночные смены. Вывоз их через границу только что распавшейся страны в багажнике старой «Волги» был чистым безумием. Если бы таможенники в Чопе проявили чуть больше рвения, его ждал бы долгий срок за разглашение государственной тайны. Но государственная система переживала распад и реорганизацию, всем было не до старых бумаг, и архив благополучно пересек границу, чтобы более чем на тридцать лет осесть в пражском тайнике.

Он вытащил тяжелый сверток, отнес его в гостиную и положил на обеденный стол, подальше от мерцающих экранов. Включил настольную лампу с зеленым абажуром. Свет выхватил из полумрака пожелтевшие края картона, выцветшие чернила, машинописные тексты с неровным интервалом.

Среди десятка тонких папок, посвященных работе по линии идеологических диверсий и неформальных молодежных объединений, его внимание привлекла одна. Он развязал тесемки. Бумаги внутри касались конца семидесятых годов — периода, когда Пятое управление активно разрабатывало диссидентов, религиозные кружки и тех, кто пытался поки-

нуть страну.

Пальцы Игнатова перебирали листы, пока не наткнулись на плотную учетную карточку. Она была заполнена его собственной рукой. Синие чернила немного выцвели, но почерк двадцатилетней давности оставался четким и разборчивым. Год заполнения — 1977.

«Дворкин А. Л., хиппи, эмигрировал по израильской визе, для дальнейшей разработки не привлекался».

Он долго смотрел на эти несколько строчек. В те годы сотни молодых людей проходили через подобные картотеки. Кто-то увлекался запрещенной литературой, кто-то слушал западное радио, кто-то просто носил длинные волосы и собирался на квартирниках. Эмиграция по израильской визе была стандартным путем избавления от неудобных. Система охотно выдавливала тех, кого считала маргиналами, за пределы страны, чтобы не тратить ресурсы на их содержание в лагерях или психиатрических клиниках. Фраза «для дальнейшей разработки не привлекался» означала, что объект списан в архив, потеряв оперативную ценность.

Но почему именно эта карточка заставила его остановиться?

Игнатов перевел взгляд на экраны. Раскол. Ненависть. Поиск внутренних врагов. Технологии стигматизации, когда целые группы людей объявлялись опасными сектами или агентами влияния. Методы дегуманизации, которые предшествовали реальному насилию. Имя, написанное на карточке,

в последние годы слишком часто всплывало в связи с этими процессами. Человек, уехавший из СССР как представитель контркультуры, каким-то образом оказался в самом центре современной системы формирования образа врага.

Старый разведчик провел ладонью по лицу. Память — ненадежный инструмент, она склонна выстраивать ложные связи между случайными событиями. Чтобы отделить паранойю от фактов, ему нужен был кто-то со стороны. Кто-то, кто умеет работать с информацией, но не скован корпоративной этикой спецслужб.

Часы на стене показывали половину одиннадцатого вечера. Игнатов достал из кармана телефон и набрал номер, который не использовал уже несколько лет. Гудки шли долго. Наконец на том конце ответили.

— Слушаю, — голос Лидии Соколовой звучал устало, на фоне слышался стук клавиш ноутбука.

— Добрый вечер, Лидия. Надеюсь, я не отвлекаю вас от сдачи номера. Это Михаил Игнатов.

Клавиши замолкли. Журналистка издания «Разлом» обладала отличной памятью на имена, особенно на те, которые были связаны с её расследованиями. Несколько лет назад они уже пересекались во время подготовки материала о судьбе советских архивов в Восточной Европе. Тогда Игнатов помог ей подтвердить подлинность одного документа, оставшись анонимным источником.

— Игнатов, — медленно произнесла она. — Не ожидала

услышать. Вы звоните в такое время, чтобы обсудить погоду в Праге?

— Погода в Праге скверная, Лидия. Я звоню, потому что мне нужна ваша помощь. И, возможно, вам нужен мой материал.

В трубке повисла настороженная пауза. Соколова не спешила радоваться предложенному эксклюзиву. За годы работы в расследовательской журналистике она выработала стойкий иммунитет к внезапным откровениям бывших силовиков.

— Смотря какой материал, Михаил. За последние два года я дважды публиковала материалы от бывших сотрудников спецслужб. И знаете, чем это заканчивалось?

— Чем же?

— Оба раза это оказывалась полуправда. Красиво упакованный слив под конкретную политическую задачу. Меня использовали втемную, чтобы ударить по конкурентам внутри их же системы. Я больше не играю в эти игры. Если вам вдруг захотелось облегчить душу или свести старые счета, найдите кого-нибудь другого.

— Мне не нужно сводить счета, — спокойно ответил Игнатов, глядя на лежащую перед ним карточку. — Системы, в которой я служил, официально не существует. Но я вижу, как её методы работают прямо сейчас. В разных странах. И я думаю, что нашел точку, где старая школа сомкнулась с новыми технологиями.

— Все видят методы, — парировала Соколова. — Для этого не нужно быть разведчиком. Достаточно открыть любую социальную сеть. Мне не нужны теории заговора и глубокомысленные рассуждения о том, как всё устроено. Мне нужны факты.

— У меня есть архив. Тот самый, о котором вы меня когда-то спрашивали. Я вывез его в девяносто втором.

На этот раз молчание длилось дольше. Игнатов слышал, как на заднем фоне проехала машина, как Соколова тяжело вздохнула, принимая решение.

— Вы понимаете, что я не поверю вам на слово? — её тон стал жестче, профессиональнее. — Никаких баек из прошлого. Никаких «один мой знакомый генерал сказал». Только бумага. Документы, приказы, учетные карточки. То, что можно верифицировать. Если вы готовы положить это на стол, мы можем встретиться. Если это просто истории — не тратьте мое время.

— Я готов положить это на стол, Лидия. Именно поэтому я и звоню. Мне нужно, чтобы вы посмотрели на эти бумаги свежим взглядом. Я начинаю видеть связи, которых, возможно, не существует. А возможно, они всегда были там.

— Где вы хотите встретиться?

— Приезжайте в Прагу. Я оплачу билеты. Времени у меня... — он бросил быстрый взгляд на медицинское заключение, — не так много, как хотелось бы.

— Я посмотрю расписание рейсов на завтра, — коротко

ответила Соколова. — Скиньте адрес в мессенджер. И Михаил... если это очередная игра, я напишу об этом так, что вам не понравится.

— Договорились. Спокойной ночи, Лидия.

Игнатов положил телефон на стол. Разговор отнял у него больше сил, чем он ожидал. В груди ворочалось тяжелое, липкое чувство — смесь профессиональной паранойи и обычного человеческого страха перед неизвестностью. Он привык быть тем, кто задает вопросы и контролирует информацию. Теперь он сам отдавал свои тайны в чужие руки.

На столе в свете зеленой лампы были разложены десять папок. Они хранили в себе следы сломанных судеб, агентурные донесения, протоколы допросов и аналитические записки, которые когда-то решали, кому жить спокойно, а кому стать изгоем. Это был механизм контроля, отлаженный до совершенства. Механизм, который, как оказалось, не заржавел и не исчез, а лишь сменил владельцев и масштабы.

Центральный экран на стене продолжал транслировать движение бронетехники. Буква Z на грязной броне казалась чужеродным элементом, меткой, поставленной чьей-то невидимой рукой. На правом экране толпа всё так же скандировала лозунги, требуя возмездия для своих политических оппонентов. На левом горели факелы.

Среди раскрытых дел снова оказалась тонкая карточка с фамилией «Дворкин». Игнатов смотрел на буквы, выведенные его собственной рукой сорок семь лет назад. Молодой

хиппи. Израильская виза. Отсутствие оперативного интереса.

Каждая деталь в этой записи кричала о незначительности объекта. Но опыт подсказывал старому разведчику, что самые успешные операции часто начинаются именно с таких, списанных в архив, не представляющих угрозы фигур.

Он протянул руку, коснулся шершавой поверхности картона и медленно перевернул карточку лицом вниз. Белая изнанка слилась с остальными листами на столе. Игнатов еще не был готов решить, что делать с этой уликой. Слишком много переменных, слишком мало времени, чтобы совершить ошибку. Оставив бумаги под светом лампы, он выключил мониторы один за другим, погрузив комнату в полную темноту. Расследование началось.

Глава 2. Два крыла одной птицы

«Подлинник хранится в Москве, в архиве на Лубянке, и доступ к нему закрыт уже лет пятнадцать». Хелена Марек прижала край плотного листа формата А3 тяжелым латунным пресс-папье. «Но чехословацкая Служба государственной безопасности, StB, получала копии базовых директив для синхронизации работы. Это ксерокопия перевода, сделанного в Праге весной шестьдесят восьмого».

Окна кабинета на кафедре новейшей истории Карлова университета выходили на внутренний двор, где студенты курили между лекциями, но здесь, среди стеллажей с архивными коробками, время текло иначе. Хелена Марек, сухо-

щавая женщина с короткой стрижкой, преподавала историю спецслужб Восточного блока и знала цену каждому документу, прошедшему через ее руки.

Лидия Соколова наклонилась над столом. Журналистка прилетела утренним рейсом, спала от силы три часа, но сейчас ее взгляд был цепким и холодным.

«Игнатов вытащил меня из постели посреди ночи, обещая показать механизм, который работает прямо сейчас», — произнесла она, не отрывая глаз от бумаги. «А вы показываете мне приказ полувековой давности. Какое отношение бюрократия эпохи застоя имеет к тому, что происходит сегодня?»

Михаил Игнатов стоял у окна, заложив руки за спину. Привычная тупая боль под ребрами напоминала о вчерашнем визите в клинику, но он заставил себя сосредоточиться на голосе историка.

«Самое прямое, Лидия», — ответил он вместо чешской исследовательницы. «Любая система действует в рамках своей изначальной архитектуры. Если вы хотите понять, почему современная машина едет именно так, нужно смотреть на чертежи двигателя, а не на цвет кузова».

Марек одобрительно кивнула и провела карандашом по верхней строчке документа.

«Третьего июля тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года Юрий Андропов, едва заняв кресло председателя, отправляет в ЦК КПСС секретную записку. Вот ее ключевой фраг-

мент».

Создать в Комитете госбезопасности при Совете Министров СССР самостоятельное (пятое) Управление по организации контрразведывательной работы по борьбе с идеологическими диверсиями противника. В КГБ республик, УКГБ по краям и областям иметь соответственно 5 Управления-отделы-отделения. Поручить Комитету госбезопасности (...) рассмотреть и утвердить структуру и штаты указанных подразделений.

«Обратите внимание на формулировку», — голос Марек звучал ровно, как на лекции. «Не борьба со шпионажем. Не охрана границ. Борьба с идеологическими диверсиями. До Андропова работа с инакомыслием была размазана по разным отделам. Он собрал всё в один кулак. И это означало фундаментальный сдвиг. Система переходила от грубых репрессий, от лагерей и расстрелов, к превентивному психологическому контролю».

Соколова достала смартфон, сделала несколько снимков документа под разными углами и убрала аппарат в карман пиджака.

«Звучит как стандартная защита государственного строя. Любая империя защищает свою идеологию».

«Верно», — историк убрала пресс-папье и развернула поверх первого листа второй, гораздо большего размера. «Но дьявол кроется в том, кого именно империя назначает диверсантами. Взгляните на эту схему».

На пожелтевшем ватмане была вычерчена сложная структура. Прямоугольники, соединенные сплошными и пунктирными линиями, расходились от центрального руководящего блока вниз, образуя подобие генеалогического древа. Внутри каждого прямоугольника значился номер отдела и краткий перечень задач.

Палец Марек скользнул по левой стороне схемы.

«Первый, второй, третий отделы. Это то, что мы назовем политическим блоком. Здесь у нас разработка диссидентов, контроль за творческой интеллигенцией, противодействие зарубежным радиоголосам, национализм, студенческие волнения. Классическая политическая полиция».

Карандаш переместился на правую сторону ватмана и уперся в прямоугольник с цифрой «4».

«А вот здесь начинается самое интересное. Четвертый отдел. Официальная задача — контрразведывательная работа в религиозной среде. Наблюдение за официальными церквями, нелегальными религиозными группами, так называемыми сектами и культами».

Игнатов подошел ближе к столу. Схема казалась до боли знакомой, хотя в годы службы он никогда не видел ее целиком. Внутри ведомства действовал жесткий принцип компартиментализации: сотрудники одного подразделения не имели права знать деталей работы соседнего коридора. Знание дробилось на фрагменты, и полная картина существовала только в кабинетах высшего руководства.

«У нас в управлении ходила шутка», — тихо произнес бывший разведчик. Звук собственного голоса показался ему чужим в академической тишине кабинета. «В курилке на пятом этаже, году в восемьдесят первом, один майор из аналитического отдела рисовал на пачке сигарет двуглавого орла, только вместо голов пририсовывал локаторы. Он называл управление птицей».

Соколова подняла бровь. «Поэтично для Лубянки».

«Смысл был не в поэзии. Майор говорил: у этой птицы два крыла. Одно бьет по тем, кто читает Солженицына, второе — по тем, кто читает Библию не в той церкви. Но оба крыла бьют в одну сторону. И подчиняются одному мозгу».

Марек сложила руки на груди.

«Ваш майор был абсолютно прав, Михаил. Изучая архивы, мы видим, что политическое и антикультовое направления не просто существовали параллельно. Они выполняли одну и ту же стратегическую задачу — сохранение монополии государства на мировоззрение. Религия рассматривалась не как вопрос веры. Она рассматривалась как альтернативная лояльность».

Журналистка обошла стол, внимательно вглядываясь в прямоугольник четвертого отдела.

«То есть вы утверждаете, что борьба с сектами была лишь прикрытием для политического сыска?»

«Я призываю вас не делать поспешных выводов», — строго ответила Марек, пресекая попытку упростить историю.

«Видеть глобальный замысел там, где работала бюрократическая машина, слишком легко. Не превращайте их в карикатурных злодеев, Лидия. Четвертый отдел занимался не только мирными бабушками-баптистками. В их разработке находились и реальные религиозные экстремисты, группы, накапливавшие оружие и готовившие теракты. Система была эффективной именно потому, что смешивала реальные угрозы с вымышленными. Защита граждан от настоящих фанатиков служила идеальным фасадом для уничтожения любой неконтролируемой мысли».

Крышка ноутбука Соколовой откинулась с тихим щелчком. Пальцы быстро застучали по клавиатуре. Журналистка не привыкла верить единственному источнику, даже если этот источник имел ученую степень и доступ к европейским хранилищам.

«Дайте мне минуту», — бросила она экрану. «Если эта структура была утверждена официально, следы должны остаться не только в Праге. Российские историко-просветительские общества успели оцифровать часть фондов до того, как их начали закрывать и объявлять иностранными агентами».

В кабинете повисла пауза, нарушаемая лишь звуком клавиш. Игнатов смотрел на схему. Бумажный лабиринт, созданный для того, чтобы никто не мог выбраться из-под контроля. В апреле шестьдесят восьмого года Андропов писал в ЦК, что новые подразделения призваны бороться с дивер-

сиями, инспирируемыми из-за рубежа. Внешняя угроза всегда была лучшим оправданием для внутреннего террора. Но документы, которые он вывез в девяносто втором, говорили о другом. Управление интересовалось не только изоляцией. Оно интересовалось управлением.

В материалах мелькали упоминания о социальной психологии, теории речевого воздействия, методах массовой пропаганды. Страхи холодной войны подталкивали обе стороны океана к изучению человеческого сознания. Но если на Западе эти исследования часто становились достоянием общественности через скандалы и парламентские слушания, то в советской системе они тихо ложились в основу работы таких вот номерных отделов.

«Нашла», — голос Соколовой разорвал тишину. Она развернула ноутбук экраном к столу. «Сайт независимого архива. Скан организационной структуры, переданный бывшим сотрудником в конце девяностых. Качество отвратительное, но читается».

Марек наклонилась к экрану, сверяя данные.

«Смотрите на нумерацию и подчинение», — журналистка увеличила фрагмент изображения. «Вот политический блок. А вот четвертый отдел. И линии отчета идут вверх, к одним и тем же заместителям начальника управления. Подтверждаю. Документ подлинный, структура бьется независимо от вашего чешского источника».

Историк выпрямилась, сняла очки и устало потерла пере-

носицу.

«Значит, мы опираемся на твердый факт. Пятое управление было создано не для защиты общества от внешних врагов. Оно было создано для защиты власти от самого общества. И религиозный контроль был неотъемлемой частью этой защиты. Внедрение агентуры, управление кадровыми назначениями внутри конфессий, публичная стигматизация неугодных групп — всё это разрабатывалось в соседних кабинетах с теми, кто сажал диссидентов».

Игнатов тяжело опустился на деревянный стул у стола. Физическая слабость накатывала волнами, но разум работал с кристальной ясностью.

«Два крыла», — повторил он. «Политика и религия. Но если главная задача — удержание власти внутри страны, почему их методы так легко масштабируются сейчас за ее пределами? Почему мы видим те же технологии создания образа врага на Западе?»

Марек подошла к окну. Студенты во дворе уже разошлись, оставив после себя пустые скамейки и мокрый от недавнего дождя асфальт.

«Потому что любая закрытая система рано или поздно начинает задыхаться в собственных границах», — произнесла она, глядя на улицу. «Они научились контролировать умы здесь. Они создали идеальную лабораторию. Изучение мотивов, страхов, механизмов подчинения авторитету — всё это обкатывалось на верующих и инакомыслящих. Но Андропов

с самого начала писал о противостоянии зарубежному влиянию. А значит, им нужен был канал для экспорта своего влияния в ответ».

Соколова закрыла ноутбук.

«Дипломаты под колпаком у контрразведки противника. Журналистам не верят. Культурный обмен слишком ограничен».

«Именно», — Марек обернулась. В ее глазах блеснул холодный аналитический азарт. «Остается структура, которая имеет транснациональные связи по определению. Структура, чьи представители могут ездить на международные конференции, встречаться с иностранцами, говорить о мире и духовности, не вызывая немедленных подозрений у западных спецслужб. Структура, куда четвертый отдел внедрял своих людей десятилетиями».

Игнатов поднял взгляд от схемы.

«Церковь».

«Да, Михаил. Официальная церковь», — историк снова оперлась руками о стол, нависая над разложенными документами. «Вы спрашиваете, как внутреннее ведомство дотягивалось до границы? Как их методы оказались в Европе? Ответ лежит не в политических кабинетах. Он лежит в приходах и епархиях. Оба крыла отчитывались одному куратору. И если мы хотим понять, как эта птица вылетела за пределы своего гнезда, нам нужно проверить, как это работало на живом материале».

Марек аккуратно свернула ксерокопию 1968 года в тугой рулон.

«Вам нужно искать не приказы. Вам нужно искать имена. Тех, кто носил рясу, но писал отчеты на бланках с грифом “Совершенно секретно”. И тех, с кем они встречались там, за железным занавесом».

Соколова посмотрела на Игнатова. В ее взгляде больше не было утреннего скепсиса. Бюрократическая бумага полувековой давности перестала быть мертвым архивом, превратившись в карту минных полей, которые кто-то заботливо перенес в современность.

Вопрос был лишь в том, где именно спрятаны списки тех, кто эти поля минировал. Игнатов знал, что часть ответов лежит в его пражской квартире, в тайнике советского трюмо. Но чтобы прочитать их правильно, им придется найти тех, кто держал в руках другие фрагменты этой мозаики. Тех, кто выжил и предпочел замолчать.

Глава 3. Агенты в рясах

Стеклянные двери железнодорожного вокзала разъехались с глухим шипением, впуская внутрь порыв промозглого балтийского ветра. Электронное табло над кассами перемигивалось желтыми цифрами: рейс на Клайпеду задерживался.

Соколова стряхнула капли с зонта, стараясь не привлекать к себе внимания. Сообщение в защищенном мессенджере пришло двадцать минут назад, когда она уже подходила к

условленному кафе в Старом городе Вильнюса. Текст состоял из одного предложения: «Планы изменились, жду в бистро на втором этаже вокзала, у меня полчаса». Подобные резкие смены локаций журналистка видела не раз. Источники часто начинали паниковать в последний момент, подозревая слежку в каждом случайном прохожем, в каждой припаркованной не на том месте машине. Страх — естественный спутник тех, кто хранит чужие секреты.

Поднявшись по эскалатору, Лидия окинула взглядом ряды пластиковых столиков. Женщина сидела в самом углу, спиной к стене, чтобы контролировать оба входа в зону фудкорта. Перед ней остывал нетронутый эспрессо в бумажном стаканчике. Темно-синее пальто было застегнуто на все пуговицы, несмотря на духоту в помещении, а на коленях покоилась объемная кожаная сумка, которую владелица прижимала к себе обеими руками, словно щит.

Ирина Часовских не была классическим диссидентом или профессиональным разоблачителем, ищущим публичности. Архивариус, историк, человек, посвятивший жизнь систематизации документов, она предпочитала тишину библиотек. Но обстоятельства заставили ее выйти из тени.

«Вы опоздали на четыре минуты», произнесла Часовских вместо приветствия. Голос звучал глухо, почти срываясь на шепот, хотя ближайšie посетители сидели в десяти метрах от них.

Журналистка отодвинула стул с металлическими ножка-

ми и села напротив.

«Пришлось ловить такси. Пешком от Ратушной площади я бы не успела к новому месту».

Собеседница нервно оглянулась на пару с чемоданами, остановившуюся у соседней стойки с расписанием. Мужчина в серой куртке долго изучал табло, не обращая внимания на окружающих, но Часовских не сводила с него глаз, пока пара не двинулась в сторону перронов. Только после этого она продолжила говорить.

«Никаких имен в тексте. Никаких упоминаний Вильнюса. Вы напишете, что получили эти бумаги от анонимного исследователя в одной из европейских стран. Это не просьба, Лидия. Это жесткое условие».

Соколова кивнула, доставая из кармана диктофон, но Часовских тут же накрыла его ладонью.

«Уберите. Никаких записей голоса».

«Хорошо», Лидия убрала устройство обратно. «Я гарантирую анонимность. Но почему такая спешка и такие меры предосторожности? Мы договаривались на обстоятельный разговор в спокойной обстановке».

Пальцы в тонких кожаных перчатках вцепились в ремешок сумки с такой силой, что костяшки побелели.

«Два года назад моего коллегу взяли прямо на выходе из читального зала. Он готовил академическую публикацию по материалам Совета по делам религий. Официальное обвинение — дискредитация и разглашение данных, составляю-

щих государственную тайну. Следователей совершенно не волновало, что бумагам было по сорок лет и государство, чьи тайны они хранили, давно перестало существовать. Ему дали семь лет колонии общего режима. Я согласилась на эту встречу только по одной причине: завтра утром у меня рейс в Лондон, в один конец. Эти материалы всё равно скоро окажутся в открытом доступе в библиотеке западного университета. Но вы просили посмотреть их до того, как они пройдут официальную каталогизацию и станут достоянием широкой публики».

Из недр сумки появился плотный пластиковый конверт на зип-локе. Часовских положила его на стол, но руку не убрала, словно физический контакт с документами давал ей чувство контроля над ситуацией.

«В девяносто втором году парламентская комиссия Верховного Совета получила беспрецедентный доступ к архивам КГБ. Это продолжалось недолго, окно возможностей быстро захлопнулось, когда система поняла, чем ей грозит такая прозрачность. Но священник Глеб Якунин и несколько его соратников успели сделать выписки и скопировать часть журналов регистрации агентуры Пятого управления. То, что лежит здесь, — сканы тех самых рабочих тетрадей, оперативных сводок и отчетов Четвертого отдела. Подлинность подтверждена перекрестными ссылками с другими фондами».

Пластиковый клапан щелкнул. Внутри лежала стопка ли-

стов формата А4 — распечатки микрофильмов и отсканированных машинописных страниц с пометками на полях. Соколова осторожно достала верхние листы. Качество печати оставляло желать лучшего: некоторые буквы пропечатались тускло, края страниц были затемнены, но канцелярский язык советской госбезопасности читался ясно.

«Смотрите на даты и географию», торопливо проговорила Часовских, постукивая ногтем по пластику стола. «Вот выдержка из отчета за конец шестидесятых годов. Это период, когда управление только набирало силу и активно выводило свою агентуру на международные площадки».

Лидия вчиталась в неровные строки:

1969 год, февраль. В Польшу для участия в работе международной религиозной организации «Христианской мирной конференции» с контрразведывательными и разведывательными заданиями в составе делегаций РПЦ выехали агенты «Святослав», «Антонов», «Кузнецов», которые представили материалы о политическом положении в этой организации в связи с событиями в ЧССР.

«А чуть ниже, в документах за следующий год, фигурирует агент “Дроздов”», продолжила архивариус, переворачивая страницу. «Отчет гласит, что он проводил пресс-конференции в США, опровергая злобную пропаганду о положении церкви в СССР, и встречался с генеральным секретарем ООН У Таном. Если вы сопоставите эти даты с официальным расписанием визитов высшего духовенства, совпадение

будет стопроцентным. В тысяча девятьсот семидесятом году именно будущий патриарх Алексей Второй посещал Соединенные Штаты с официальным визитом».

Журналистка провела пальцем по строчкам. Сухой протокольный тон отчета контрастировал с масштабом описываемых событий. Священнослужители, чьей задачей должно было быть духовное окормление паствы, выполняли функции кадровых разведчиков.

«Агент “Антонов”», прочитала Соколова вслух следующий фрагмент, относящийся к концу восьмидесятых. «Задание: собирать тенденциозную информацию о положении церкви в Украинской ССР».

«Это Михаил Денисенко. Будущий патриарх Киевский Филарет», пояснила Часовских. «Он сам позже косвенно признавал факты контактов с кураторами, объясняя это необходимостью выживания церкви в условиях тоталитарного режима. Система работала безотказно: хочешь получить приход, поехать за границу, издать богословский труд — подпиши бумагу о сотрудничестве. Государство не могло уничтожить религию физически, поэтому оно решило ее возглавить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.